

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

**| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|**

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

*Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
Доцент кафедры философии и мировых религий, кандидат философских наук**Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
Department of Philosophy and World Religions
Associate Professor, PhD in Philosophy
kuld@mail.ru***ИСТОКИ КРЕАТИВНОСТИ В АНТРОПОГЕНЕЗЕ**

В статье критически рассматриваются некоторые подходы к объяснению явления креативности как исходного, гениального источника культуры: гипотеза мозговой мутации, произошедшей в одной из популяций *Homo sapiens* (Р. Кляйн), теория аутистического генезиса сознания (Э. Блейлер, Ж. Пиаже, Ю. Бородай), зоопсихологическая трактовка эволюционно-биологического происхождения креативности, социально-антропологический и психологический подход французской школы (Дюркгейм, Мосс, Рибо и др.). Предпринят анализ ряда проблем антропосоциокультурного генезиса: связь орудийной деятельности и генезиса общественных отношений, значение речи в становлении высших психических функций, формирование представления и обобщенного отражения мира, связь изобразительной деятельности и символизма. Предлагается идея трех предпосылок зарождения сознания и креативности как осуществления высших психических функций человека: орудийной деятельности, коллективного ритуала и практики графического изображения. Эти предпосылки изначально формировались в процессе естественной эволюции гоминид, достигнув высшего развития у неантропов. В этих формах вырабатывался потенциал опосредствования поведения. В орудийной деятельности, в коллективном ритуале, в практике изображения отражалось не только предметное объективное содержание, но и схема субъективной деятельности. Опосредствование любой деятельности обу-

словливает появление символа как объекта, представляющего другое предметное содержание. Генезис речи как ведущего инструмента регуляции социального поведения обеспечил условия межличностного и межпоколенческого опосредствования психических функций. Через символическое восприятие предмета возникает представление как идеальное содержание сознания. Выступая средством построения представления и его преобразования (воображения), речь становится источником рефлексии. Продукт развития рефлексии есть мышление как отражение отражения, т. е. отражение представленности предметного мира в формах деятельности.

Творчество, таким образом, может выступить как процесс построения новых схем деятельности, воплощенных в самом творческом продукте, а креативность — как обнаружение в продукте идеального, идеи, т. е. субъективное содержание творчества.

Ключевые слова: креативность, символическое поведение, символ, воображение, антропогенез, ритуал, орудийная деятельность, доисторическая графика.

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|THE GENESIS OF SYMBOLIC ACTIVITY
(ABOUT THE ORIGINS OF CREATIVITY
IN ANTHROPOLOGY)

The article discusses several questions concerning symbolic behavior and creativity as necessary components of human culture. Three different approaches are studied throughout the paper: brain mutation hypothesis (R. Klein), autistic theory of genesis of consciousness (E. Bleiber, J. Piaget, J. Borodai), and the methodological approach of the social anthropology. The presented article provides an analysis of certain problem fields within the framework of human evolution and the genesis of culture: connection between tool-making activity and the genesis of human sociality, the role of speech in the execution of the higher mental functions, formation of representation and the generalized reflection of the reality, connection between image-making activity and symbolization.

It is argued that there are three premises for the genesis of consciousness and human creativity: tool use, collective ritual and graphic making. Originally all of these premises coincided with hominid evolution and reached its highest development in *Homo sapiens*. It is important that such forms of activity presuppose certain scheme of the subject activity. In other words, these forms of activity lead to appearance of symbol, i.e. to appearance of a thing, which, in turn, represents something other than itself. That is, representation is the ideal, finished product of symbolic perception. The speech being anchored in the representations of mind becomes the foundation for reflection and imagination. The article explains creative activity as production of new forms of action and defines creativity as an action which reveals ideality in products of creative activity.

Key words: creativity, symbolic behavior, symbol, imagination, anthropogenesis, tool use, ritual, prehistoric graphics.

В работе, посвященной психологии первобытного и традиционного искусства, П.А. Куценков назвал «символическое поведение» загадочным термином¹. Тем не менее, этот термин продолжает использоваться в свете новых открытий, которые сделаны за последние годы и заставляют уточнить или даже переосмыслить традиционные представления о происхождении человека, культуры и общества.

Разум в улитке

В течение нескольких лет археологами сделан ряд открытий древнейших следов жизнедеятельности *Homo sapiens*, хронологически более ранних, чем классические образцы верхнепалеолитической пещерной живописи и «эстетики» верх-

непалеолитического арсенала орудий труда². Куски охры с серийными насечками, многочисленные раковины брюхоногих моллюсков с просверленными отверстиями, наконечники с примитивным орнаментом, обработанные и просверленные скорлупы страусиных яиц – таков набор артефактов, собранных в Южной и Северной Африке, западной

² Henshilwood C., d'Errico F., Vanhaeren M., van Niekerk K., Jacobs Z. Middle Stone Age Shell Beads from South Africa // *Science*, 2004 304 (16). Vanhaeren M., d'Errico F., Stringer C., James S.L., Todd J.A., Mienis H.K. Middle Paleolithic Shell Beads in Israel and Algeria // *Science*. 2006. V. 312. Jacobs Z., Roberts R.G., Galbraith R.F., Deacon H.J., Grün R., Mackay A., Mitchell P., Vogelsang R., Wadley L. Ages for the Middle Stone Age of Southern Africa: Implications for Human Behavior and Dispersal // *Science*. 2008. V. 322. Texier P.-J., Porraz G., Parkington J., Rigaud J.-Ph., Poggenpoel C., Miller C., Tribolo C., Cartwright C., Coudenneau A., Klein R., Steele T., Verna C. A Howiesons Poort tradition of engraving ostrich eggshell containers dated to 60,000 years ago at Diepkloof Rock Shelter, South Africa // *PNAS*. Published online before print March 1, 2010.

¹ Куценков П.А. Психология первобытного и традиционного искусства. - М., 2007. - С. 49-50.

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

**| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|**

Азии, Европе. Находки датируются возрастом от 130 до 60 тысяч лет. Исследователи делают вывод: эти артефакты есть следы символической деятельности, что свидетельствует о наличии речи, мышления, духовной культуры у их «творцов».

От гена к символу

За несколько лет до описанных открытий американский археолог Р. Кляйн дал интерпретацию данных археологии с точки зрения монофилетической теории антропогенеза. Он отстаивал идею, согласно которой около 50 000 лет назад произошло событие, решительно изменившее поведение *Homo sapiens*. Кляйн утверждает: появился качественно новый уровень – способность к производству и использованию символов, *изобретению* орудий, социальных форм, идей, т.е. культурное поведение в современном смысле этого слова³. Рождение этой способности Кляйн объясняет генетической мутацией, произошедшей в африканской популяции сапиенсов около 50 000 лет назад, давшей адаптивное преимущество.

Свидетельством наступившей «культурности» Кляйн считал появление в археологическом материале (Кения, возраст около 40 000 лет) элементов «символической деятельности» – просверленных скорлупок страусовых яиц, простейших украшений, на изготовление которых уходила энергия, отвлеченная от чисто биологических форм поведения (собираательства).

Кляйн полагает, что признаком современного человека является способность к символизации – деятельности, выходящей за рамки когнитивных навыков, связанных с производством орудий труда и группового взаимодействия. Однако появление каменных орудий (2,5 млн. лет назад) он рассматривает как первое свидетельство человеческой культуры. Второй ключевой момент – это изобретение ручного рубила около 1,7 млн. лет на-

зад. Третий – резкое увеличение головного мозга, сравнимого с человеческим, начавшееся около 600 000 лет назад. Однако только 50 000 лет назад произошло событие, связанное с появлением полностью современной *способности изобретать и обращаться с культурой*⁴. Кляйн, повторим, хочет объяснить генезис «культурных способностей», используя гипотезу мозговой мутации, произошедшей в указанный критический период⁵.

По мнению Кляйна, артефакты, подобные просверленным и обработанным скорлупам, выполняли важную социальную функцию: они служили древнейшим объектом обмена с символическим содержанием. Он приводит доводы: собиратели Кунг Сан из пустыни Калахари (Ботсвана) практикуют систему обмена дарами, называемую *hxaro*. Пища никогда не обменивается как дар, однако в обмен идут нитки нанизанных бусин из скорлуп страусовых яиц⁶.

Вывод Кляйна, однако, делается на зыбком методологическом основании. Этим основанием является постулат о происхождении символической деятельности из мышления и речи, о конвенциональной природе символа. Кроме этого спорно само предположение о символической природе описанных артефактов. *Сверление ракушек или яичной скорлупы – практика, сохранявшаяся в своем стереотипном качестве десятки тысячелетий*. В каком смысле говорится о сверлении и его продукте как о символической деятельности, если символ – это, прежде всего, наглядное представление одного предметного содержания посредством другой предметности? Практика Кунг Сан не доказывает, что древнейшие узоры и сверление делались с намеренным символическим и социаль-

⁴ Ibid. P. 24.

⁵ Схожий вывод делает другой современный автор – С. Митен, предлагающий, в целом, более оригинальную концепцию генезиса креативности. См. Mithen, S. Seven steps in the evolution of the human imagination // *Imaginative Minds*. - Oxford University Press. 2007.

⁶ Klein R.G. Edgar B. Op. cit. P. 12.

³ Klein R.G. Edgar B. The dawn of human culture. - John Wiley and Sons, 2002. - P. 8.

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

**| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|**

ным смыслом⁷. То, что мы обнаруживаем как культурное содержание известных нам практик может иметь совершенно иное происхождение. Теория Кляйна, скорее, постулирует объясняющие принципы, нежели раскрывает действительные причины и движущие силы процесса.

Животное мышление?

Современные этология, социобиология и зоопсихология давно отмечены тенденцией к обоснованию креативного характера элементарной психической деятельности приматов и некоторых других млекопитающих, также как и тенденцией объяснять генезис высших психических функций человека посредством эволюционно-биологических основ развития когнитивности.

В книге по зоопсихологии З. Зорина и И. Полетаева рассматривают, как сказано уже в аннотации, *элементарное мышление, или рассудочную деятельность животных*⁸. Авторы подчеркивают, что они развивают идеи Л.В. Крушинского, который, однако, не делал таких отождествлений и характеризовал поведение животных именно как *элементарную рассудочную деятельность*⁹. Зорина и Полетаева опираются также на идею «инсайта» В. Кёлера, видевшего у обезьян способность к «решению» задач, и предложение Н. Ладыгиной-Котс отбросить неопределенные термины «рассудок», «ум», и др., и в применении к животным использовать термин «мышление»¹⁰.

⁷ Критические замечания по этому вопросу – в статье Бичакджан Б. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка // Разумное поведение и язык. Выпуск 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. - М., 2008. - С. 68-69.

⁸ Зорина З.А. Полетаева И.И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М., 2002.

⁹ Крушинский Л.В. Биологические основы рассудочной деятельности: Эволюционный и физиолого-генетический аспекты поведения. - М., 2009.

¹⁰ Зорина З.А. Эволюция разумного поведения: от элементарного мышления животных к абстрактному мышлению человека // Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследований. - М., 2004. - С. 175.

Мышление животных авторы понимают как «системное свойство мозга»¹¹ и, стремясь связать мышление с понятийным отражением действительности, утверждают: «Умение связывать незнакомый знак с *обобщенным представлением* о классе реальных явлений или предметов означает, что в коре головного мозга животного складывается механизм образования *понятий*. Это могут быть не более чем «предпонятия» или «протопонятия», но тем не менее они не просто аналоги конкретных представлений (работающие в рамках первой сигнальной системы), а уже целые «*смысловые схемы*» и «*обобщенные образы*»¹².

Зоопсихологическая трактовка заключена в понимании мышления как оперирования обобщенными образами, символами, представлениями, что возвращает нас к теориям мышления как рассудка. Обобщенный образ – вот зоопсихологический критерий «понятия». Понятийное отражение предметности выводится из свойств мозга, а также из умения приматов оперировать знаками и усваивать элементы языка. В этом случае реализуется схема «довербальное мышление–речь–речевое мышление», причем слово понимается как продукт обобщения, т. е. операции мышления¹³.

Генетический подход к креативности

Проблема креативности сегодня широко обсуждается в гуманитарных науках. В рамках статьи невозможно дать сколько-нибудь целостный обзор ее освещения в литературе. В связи с вопросом культургенеза укажем один аспект креативности – двойственность этого явления.

плины. Современные методы исследований. - М., 2004. - С. 175.

¹¹ Зорина З.А. Полетаева И.И. Указ. соч. С. 17-18.

¹² Там же. С. 62.

¹³ Зорина З.А. Возможность диалога между человеком и человекообразной обезьяной: обзор экспериментальных исследований // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка - М., 2008, С. 146-149.

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

**| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|**

Креативность можно понимать широко: как творческое начало личности и человеческой деятельности вообще, как явление, связанное с производством нового. Сознательно или стихийно креативность может быть реализована в многообразии поведения субъекта – в языке, межличностном взаимодействии, труде, искусстве и пр.

Креативность можно понимать более конкретно: как восприимчивость к интеллектуальному, идейному содержанию деятельности, как производство новых идей, как творческую познавательную ориентацию субъекта.

Генетический подход к проблеме креативности позволит ответить на вопрос: является ли креативность продуктом культуры, или наоборот, культура – это порождение креативного начала в человеке, имеющего более глубокие внекультурные истоки.

Креативность – это феномен, связанный с осуществлением высших психических функций, нашедший свое выражение в формах культурной деятельности. В контексте антропогенеза этими формами традиционно считаются пещерная изобразительная деятельность, производство орудий труда, ритуальная практика. Вместе с тем, такое представление еще не означает понимание глубинной, сущностной связи этих явлений и психического феномена креативности. Избирая генетический подход, будем исходить из того, что в развитии необходимо обнаружить исходное объективное содержание изучаемого явления, примитивную целостность, выделяющую его в системе внутренних и внешних отношений с иным: собственными предпосылками, условиями и факторами, тенденциями развития.

Аутизм

Ю.М. Бородай разработал концепцию антропогенеза, утверждая, что сознание возникло как аутистическая реакция нервной системы на окру-

жающую среду¹⁴. Коллективный запрет на удовлетворение половой потребности был вызван аффективным закреплением телесно и эмоционально переживаемым страхом опасности, связанной с половым поведением. Общение и обращение с предметами преломлялось в представлении, порожденном запретами, что придавало людям и вещам символическое значение.

Э. Блейлер, автор термина «аутизм», интерпретировал аутистическое мышление как аффективно регулируемое, укорененное в потребности и влечения. Это проявление психических функций имеет специфический продукт: синкретически выделенные и эмоционально мотивированные идеи, обобщения, которые «выражаются в самых рискованных символах. Эти символы часто не распознаются и понимаются в их собственном значении. Любовь символизируется согласно общеизвестной аналогии с огнем, что воспринимается шизофреником как нечто реальное и превращается у него в галлюцинации сжигания»¹⁵.

Блейлер, однако, отвергает первичность аутистического мышления в филогенезе и онтогенезе. Исходная функция – реалистичная. Аутистический компонент присоединяется к ней в условиях глубокой укорененности в реальность, наличия совокупности сформировавшихся желаний и механизмов их удовлетворения¹⁶. Эта позиция противостоит концепции З. Фрейда и Ж. Пиаже, видевших в антиреалистической направленности аутизма первую фазу развития психики.

Пиаже в своих ранних работах полагал детское, аутистическое и пралогическое мышление (описанное Леви-Брюлем), явлениями одного порядка. В его модели онтогенеза интеллекта аутистическое мышление стоит на первом месте и переходит к логическому через стадию детского эго-

¹⁴ Бородай Ю.М. Эротика — смерть — табу. Трагедия человеческого сознания. - М. 1996.

¹⁵ Блейлер Э. Аутистическое мышление // Психология мышления. Хрестоматия. - М., 2008. - С. 198.

¹⁶ Там же. С. 201.

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

**| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|**

центризма. «Аутистическая мысль подсознательна, т. е. цели, которые она преследует, или задачи, которые она себе ставит, не представляются сознанию. Она не приспособляется к внешней действительности, а создает сама себе воображаемую действительность или действительность сновидения. Она стремится не к установлению истины, а к удовлетворению желания и остается чисто индивидуальной. Как таковая, она не может быть выражена непосредственно речью, она выявляется прежде всего в образах, и для того чтобы быть социальной, должна прибегать к косвенным приемам, вызывая посредством символов и мифов чувства, которые ее направляют»¹⁷. Воображение, согласно Пиаже, шире и раньше логики. «Логическая деятельность - это доказывание, это искание истины, нахождение же решения зависит от воображения, но самая нужда, самая потребность в логической деятельности возникает довольно поздно»¹⁸. Этот процесс регулируется желанием и возникает спонтанно, укорененный в исходной *асоциальности* поведения.

Социальный вопрос

Социальные отношения – это кристаллизованная, воспроизводящаяся во времени форма взаимодействия индивидов, в основе которого лежит определенный способ общения. Согласно Марксу, человек сам начинает отличать себя от животного благодаря сознательному производству необходимых жизненных средств. При этом классик подчеркивал, что возникновение сознательного отношения к природе и себе самому предполагает вступление людей в общение друг с другом¹⁹. *Как и почему возникает разрыв, в котором взаимодействие особей приобретает форму социального общения?*

¹⁷ Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. - М.-Л., 1932. - С. 95

¹⁸ Там же. С. 372.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.3. – М., 1962. - С. 24-30.

Известный исследователь антропогенеза Ю.И. Семенов видел начало истории в генезисе социального как такового²⁰. Он понимал общество не только как коллективную форму организации деятельности, но и как способ ее воспроизводства. Поэтому в начале социогенеза – возникновение норм деятельности и их закрепление в смене поколений.

Общество во взаимодействии поколений – это форма коммуникации. Мы приходим к проблеме причин, обусловивших переход от одного вида деятельности (животной, рефлекторной, непосредственной) к опосредствованной, как полагается, *знаково-символической деятельностью*. С одной стороны, символическая деятельность предполагает коммуникацию, некоторое социально направленное действие. С другой стороны, в самой социальности должен быть заложен механизм этого перехода, совокупность условий и потребностей, вызывающих указанное смещение.

Идея мутации как причины такого перехода не способна объяснить, почему вызванные изменения в поведении оказались адаптивно продуктивными, т.е. как могло закрепиться обусловленное мутацией символическое поведение в смене поколений. Если эта идея и угадывает некое событие, имевшее место в эволюции нервной системы, его эффект должен быть объяснен другими основаниями.

Подход Кляйна сводит проблему к констатации: социальное раньше и автономно от символизма, а символизм порождается мутациями мозга. Это «случайное» обстоятельство «прорастания» нейрофизиологического зерна в благоприятной социально подготовленной среде. Блейлер рассматривал механизмы аутистического мышления как врожденные. Их действие накладывается на мышление реалистическое, прорываясь в символическом содержании фантазий, сновидений, душевных патологий и мифов²¹. В целом они укоренены в ме-

²⁰ Семенов Ю.И. Как возникло человечество. - М. 2002.

²¹ Блейлер Э. Указ. соч., С. 202.

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|

ханизмах воображения. Мы, однако, полагаем, что социальность, культура и формы высших психических функции человека генетически есть феномены единого порядка, структурно и функционально неразделимые. Существует единый социальный корень логики и аутизма в воображении, где аутизм есть одностороннее развитие отношения к реальности, подчинение логики эмоциональному фактору потребности²².

Проблема генезиса социальных форм общения поднимает целый ряд вопросов. Вот, например, мнение Ю.М. Бородай: Маркс полагал материальное производство клеточкой всех человеческих проявлений, однако труд – это целесообразная деятельность, он предполагает сознание, идеальное²³. «Таким образом выявляется односторонность марксизма — на антропогенезе круг замыкается; все три стороны целостной человеческой реальности (сознание, социум, труд) оказываются здесь *одновременно и предпосылками, и следствиями друг друга*»²⁴. Бородай, однако, понимает идеальное субъективно-индивидуалистически. Начало человека в самообращенности, порождающей коллективное нравственное представление. Он использует интерпретацию И. Канта: идеальное образуется произвольной деятельностью продуктивного воображения²⁵. Соглашаясь понимать идеальное как понятие (обобщение), он предлагает разуместь само понятие как «способ осмысленного восприятия ("схватывания"), способ конкретно-образного (понятийного) представления любых случайных наличных данностей (рецепций), т. е. сам способ работы человеческой нервной системы в целом, поскольку она производит сознание. При такой постановке вопроса ясно, что искать в мозгу особое "место", где находится идеальное (душа) — нелепо, ибо *нет нигде идеального вне конкретной ди-*

намики всей нервной системы в целом (курсив мой – Д.К.)»²⁶.

Речь

Когда зоопсихологи утверждают, что шимпанзе пользуется словом как результатом мысленного обобщения, они упускают из виду то, что становление речи, как в онтогенезе, так и филогенезе, не есть направленный, непрерывный переход «мышления» к новому своему качеству. Этот момент в развитии изначально есть отступление назад, отрицание.

Значение речи как инструмента перестройки всех высших психических функций подробно описано Л.С. Выготским. Он подчеркивал фундаментальную роль речи в развитии воображения, где речь оказывается инструментом освоения внешнего (социального) и внутреннего (психического) содержания жизнедеятельности. А. Валлон полагал, что вторжение речи в поведение ребенка закрывает путь дальнейшей дифференциации ситуативного интеллекта, делая возможным становление мышления²⁷. В применении к антропогенезу эта идея развита Б.Ф. Поршневым в концепции суггестивного взаимодействия в период перехода от палеоантропов к *H. sapiens*, в итоге которого только последний обрел *возможность развития мышления в онтогенезе*²⁸.

Подход Б.Ф. Поршнева – это радикальная критика идейного, креативного подхода к антропосоциокультургенезу. Любое выведение социального и духовного из психического, тем более индивидуального, трактуется им как идеализм. Человека и его сущность также не вывести ни из анатомии, ни из каменных орудий. Поршневу рисует картину речевого генезиса социальности и психики, связывая генезис самой речи с процессом ее кристаллизации как инструмента суггестивного воздействия инди-

²² Выготский Л.С. Лекции по психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 тт., Т.2. – М., 1982 – С. 442-454.

²³ Бородай Ю.М. Указ. соч., С. 16.

²⁴ Там же. С. 17.

²⁵ Там же. С. 23.

²⁶ Там же. С. 34.

²⁷ Валлон А. От действия к мысли. - М., 1956. - С. 90.

²⁸ Поршневу Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. - СПб. 2007.

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

**| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|**

видов на поведение друг друга. Высшим итогом этого процесса стала интериоризация речевых функций, способность к инструкции и самоинструкции, закрепленная эволюцией в коре головного мозга.

В этом контексте нелишне напомнить ряд выводов из исследований В.Я. Проппа. Речь в культурной форме «рассказывания», сменила в историческом развитии телесно закрепленную систему первобытных (тотемических) ритуальных практик²⁹. Пропп показывает богатую ткань сказок как отношение к реальности прошлого, как творческое извлечение и переработку исторического содержания и собственно идеальный инструмент социализации, но не как продукт, производный от внеисторических механизмов сознания, чистого, неопосредствованного воображения.

Социальное раскрытие реальности

Сформулируем проблему креативности следующим образом: *является ли продуктивность жизнедеятельности доисторических людей результатом высших психических функций (мышления, воображения, речи) или она детерминирована причинами, заключенными в предметности и схемах материального производства?* Мы можем связать воедино два аспекта креативности в культуре. Во-первых, орудийная коллективная деятельность человека включает в себе производительный потенциал, намеренное или нет преобразование материи. Это раскрывает сознанию действительность в качестве условий и результата деятельности самого человека. Во-вторых, креативность как производство новых идей представляет собой процесс, заключающийся, с одной стороны, в производстве продукта как результата сложно опосредствованной творческой деятельности, а с другой, в процедуре обнаружения идеального содержания и его сознательного выделения из этого продукта.

²⁹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. - М., 1998.

Процесс социального раскрытия бытия в сознании зависит от способа воспроизводства и организации деятельности субъекта. *Предмет не является непосредственной причиной образа*, который строится мышлением, как и причиной способа этого построения. И образ, и способ его построения опосредствуются системой социальных отношений, по логике которых предмет оказался доступен сознанию, был вовлечен в жизнедеятельность человека. Следовательно, можно говорить о репродуктивной форме креативности как проекции социально опосредствованных форм деятельности в поведение индивида. По-видимому, эта форма являлась исторически первичной. Отсюда следует вывод о невозможности рассматривать ашельское ручное рубило, ритуалы, символические формы, образцы фольклора как продукты намеренной и творчески-креативной функции индивидуального сознания. Это продукты стихийной коллективной деятельности, результат преломления социальных форм поведения в объективно существующих материальных обстоятельствах.

Выготский рассматривал символизм в качестве промежуточного этапа в генезисе знака. Ребенок первоначально не может разорвать знак и значение, должна сохраниться наглядная связь³⁰. Однако ребенок начинает развитие в среде, «населенной» знаковыми средствами, равно как и институтами, регулирующими их усвоение. В антропосоциогенезе все перевернуто с точностью до наоборот: средства должны быть обнаружены, извлечены из того, что средством изначально не являлось.

Биологическое, психическое и социальное.**Ключевая роль орудия**

Социальный подход к объяснению психики – характерная черта французской школы (Рибо, Жане, Леви-Брюль, Мосс, Пиаже и др.). Однако подход французской школы грешит формальным

³⁰ Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка //Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 тт. Т.6. – М., 1984. - С. 14-15.

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

**| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|**

пониманием социального: общество – это форма существования индивидуально-психического. Механизмы психического развития действуют автономно, хотя и приобретают под воздействием общества качественно новые формы, например, логическую, реалистически ориентированную. Принципиальная идея школы Выготского заключалась в понимании полной, качественной перестройки всех психических функций благодаря обществу. Эта перестройка возможна лишь как процесс вовлечения индивида в социально организованную деятельность, которая есть не просто форма, но и содержание, а именно производительная деятельность. Критика аутистических, анимистических и традиционных форм мышления, понимаемых как формы самопроизвольного развития психики, даны в работах А.Р. Лурии и П. Тульвисте. В них обоснован тезис о наличии исторически разных форм мышления, которые сохраняются в сознании в мере устойчивости различных уровней общественного развития, условий общения и деятельности³¹.

Если природа сознания социальна, это значит, что оно возникает благодаря среде, качественно отличной от естественной. Общество, как метко выразился К.Р. Мегрелидзе, заставляет думать мозг, создавая для этого обстоятельства³².

Производственная деятельность возникла не как результат сознательного, спланированного (креативного) действия людей. Труд должен исторически вылупиться из своей инстинктивной скорлупы. Этот процесс исходно складывается стихийно, в той мере, в какой люди обнаруживают промышленное значение орудий труда. Использование орудий животными не нарушают биологической

связи организма и среды, ибо оно направлено на все то же индивидуальное потребление. Социальное отношение возникает при условии, что продукт труда оказывается отчуждаемым от непосредственной индивидуальной потребности. Это в большей степени касается не только жизненных благ, но и самих орудий труда, отчуждение которых во всеобщее пользование обуславливает формирование устойчивого взаимодействия между индивидами³³.

В генезисе употребление, производство орудий, усвоение схем орудийной деятельности находились в единстве. На инстинктивном уровне этот процесс обслуживала имитация, на более высоком уровне – ритуал. Наукой хорошо изучено исходное социализирующее воздействие ритуала, песнопения и коллективного ритма³⁴. С точки зрения этих теорий ритуал должен рассматриваться как генетически более древнее явление, чем миф и даже речь. Мифы формировались в ходе исторического развития деятельности как закрепление функций, утрачиваемых ритуальной практикой.

Животное «сознание» стоит в прямой зависимости от сенсорного поля, в условиях которой протекает жизнедеятельность организма. *Сознание*

³³ См. Мегрелидзе К.Р. Указ. соч. С. 42-44; Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 115. Отчуждаемость орудий труда – условие прекращения индивидуального естественного отбора. Орудие дает преимущество группе, а не индивиду (Семенов, С. 115). Это направило отбор по линии более сплоченных коллективов (Семенов, С. 122).

³⁴ См., например, Turner V.W. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Aldine Pub. Co., 1969. Левкович В.П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. - М. Наука 1976. Тэрнер В.В. Символ и ритуал. М., 1983. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. - М., 1988. Режабек Е.Я. Мифомышление. Когнитивный анализ. - М. 2003. Афасижев М.Н. Изображение и слово в эволюции художественной культуры. Первобытное общество. - М., 2004. Mithen S. The Singing Neanderthals: The Origins of Music, Language, Mind, and Body. - Harvard University Press, 2006.

³¹ Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование. М., 1974. Тульвисте П. Существует ли специфически детское вербальное мышление? // Вопросы психологии. 1981, №5. Лурия А.Р. Культурно-историческая природа вербального мышления // Психология мышления. Хрестоматия. - М., 2008.

³² Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. - Тбилиси. 1973. С. 24.

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

**| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|**

здесь не выделяется в качестве опосредствующей действие инстанции. Опосредствующая функция сознания «вырабатывается вместе с расстройством биологического отношения непосредственности», причем к ней «не могли привести инстинктивные и рефлекторные действия»³⁵. Исходной предпосылкой развития психических функций человека стала центрация поведения на тактильные, гаптические взаимодействия со средой. Через них преодолевалась перцептивная погрешимость, представляющая негативное следствие длительной эволюции в сторону специализации дистальных рецепторов. Моторика гаптических функций фокусировала образ объекта в плане вычленения инварианта, регулировала и зрительные функции³⁶. Этот же уровень действий фундировал внутристадное общение высших антропоидов и гоминид (груминг, вынашивание).

Но если животное отношение между индивидами непосредственное, телесное, то между людьми связь опосредствована продуктами их деятельности. В середине 1990-х г. было сделано открытие в мозге макак системы «зеркальных нейронов» (зона F5), которое позволяет утверждать: «понимание» обезьянами действий объяснимо нейрофизиологическими механизмами без привлечения категорий сознания и мышления³⁷. Среди основных функций «зеркальной системы» авторы открытия указывают:

- обслуживание наблюдения действий;
- обслуживание совершения таких же действий;

- превращение визуальной информации в способ поведения.

Данная система лежит в основе эхолокационных, эхомимических и имитативных реакций и, вероятно, эволюционно предшествует зоне Брока человека. В свое время Поршневу писал: «Именно этот вариант эхокинезии (подражания движениям), т.е. подражание речевым, вернее, звукопроизводящим движениям, вероятно, мог достигнуть особенной интенсивности у одной из ветвей палеоантропов»³⁸.

Открытие «зеркальных нейронов» ставит под сомнение валидность популярной до сих пор «теории разума» (theory of mind) и «социального интеллекта». Подражание – это высший продукт естественной эволюции нейрофизиологии. Подражание не производит представления, оторванного от действия, отделимого от индивидуальных реакций. «Причина того, почему животное сознание не выводит своего носителя за пределы животной жизни, в том, что сознание вообще не делает этого. <...> Причина этого в отсутствии у животных социальных условий и производственной жизни»³⁹. Необходимо постоянное воспроизведение задач, питающих сознание и средств самого воспроизводства исходных условий. Это, в свою очередь, требует своего субъективного коррелята – представления, а также способности им оперировать (производить и воспроизводить его). Представление – обобщенный и при этом не обязательно наглядный образ реальности. Поэтому возникает проблема обобщения как особого психического отражения мира.

Проблема обобщения

Проблема обобщения может быть поставлена как вопрос первичности: что первично – обобщение в представлении или обобщение в деятельности? Человек делает украшение со знаковым

³⁵ Мегрелидзе К.Р. Указ. соч. С. 62.

³⁶ Режабек Е.Я. Указ. соч. С. 73-74.

³⁷ См. Rizzolatti G. Arbib M.A. Language within our grasp // Trends Neurosci. (1998) 21. Rizzolatti G. Craighero L. The Mirror-neuron System // Annu. Rev. Neurosci. 2004. 27. Iacoboni M. Understanding others: imitation, language, empathy // Perspectives on imitation: from cognitive neuroscience to social science. Vol.1. - Cambridge, MA MIT Press, 2005.

³⁸ Поршневу Б.Ф. Указ. соч. С. 221.

³⁹ Мегрелидзе К.Р. Указ. соч. С. 87.

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

**| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|**

содержанием. Он вкладывает в это определенное обобщенное содержание (общественную функцию продукта). Из чего он извлекает это содержание? Он извлекает его из какого-то социального результата использования этих предметов. Но всегда ли нужно для производства украшений сознательное извлечение такого всеобщего содержания? Нет, для этого достаточно норм деятельности и их регуляции (санкции, табу, образца).

Вероятно, генетически первой формой обобщения стало введение предмета в социальные рамки общения, представление предмета через них. Э. Дюркгейм и М. Мосс попытались ответить на вопрос: как могла возникнуть способность классификации? Начало они находят в структурной организации примитивных обществ: «Все члены племени оказываются, таким образом, классифицированными в определенных рамках, которые встроены друг в друга. А классификация вещей воспроизводит эту классификацию людей»⁴⁰.

Мы не склонны отождествлять формы логических и социальных структур как таковые. Социальная природа обобщения проявляет себя в том, что предметы, имеющие одинаковое назначение в общественном обиходе, располагаются сознанием в один мыслительный ряд, воспринимаются одинаковым образом, обобщаются. «Сознание в акте мышления собирает и связывает вещи (иногда весьма различные) вокруг определенного значения, роли и функции этих предметов, т. е. образуя известные центры для мыслительных сопоставлений»⁴¹. Первичная форма обобщения – функциональная. Понятие – это «сокращенное выражение опыта», пишет Мегрелидзе⁴². Однако не всякое сокращение опыта есть понятие, оно может быть представлением памяти. От Л.С. Выготского до

В.В. Давыдова и Э.В. Ильенкова подчеркивается требование не путать обобщение вообще с понятийным обобщением. Понятие даже на эмпирическом уровне обобщает только существенные, а не просто схожие признаки предметов. Социальная среда обеспечивает условие раскрытия предмета в его объективной сущности, в его собственной логике, и понятие здесь есть продукт определенных, не всяких условий деятельности.

Эмпирическое, чувственное отношение к предмету не позволяет фиксировать объективно-всеобщее. Обобщенные признаки предмета, *существенные* для животной особи, не есть обязательно существенные признаки самого предмета. В других обстоятельствах или для другой особи эти признаки могут оказаться вовсе не существенными. Обнаружить всеобщее содержание в предмете позволяет помещение предмета в новый контекст при сохранении некоторого инварианта⁴³. Этот контекст задают изменившиеся социальные условия, в которых старая схема деятельности неэффективна, что создает зазор между усвоенным представлением и условиями деятельности.

Орудие и знак

Мы можем увидеть в процессе *употребления орудий* условие возникновения символических и знаковых функций представленности одного содержания в другом. Изготовление орудия имплицитно содержит весь ассоциативный ряд последствий его применения (функциональный синкретический образ). Применение орудия удваивает в сознании образ на имплицитное (источник воображения) и эксплицитное содержание деятельности (образ памяти). Если возникает *форма всеобщего за-*

⁴⁰ Дюркгейм Э. Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. - М., 1996. С. 13.

⁴¹ Мегрелидзе К.Р. Указ. соч. С. 274. См. также Лурия А.Р. Указ. соч.

⁴² Мегрелидзе К.Р. Указ. соч. С. 283.

⁴³ Идея смешения значений и контекстов как психологической основы творчества получила развитие в понятиях бинома фантазии Д. Родари (Грамматика фантазии, М., 1978) и бисоциации А. Кестлера (Koestler A. The act of creation. Hutchinson, 1976, Koestler A. Bisociation in Creation // The Creativity question. Duke University Press, 1976).

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

**| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|**

крепления образа поведения, имеющая внеиндивидуальный характер (социальная рассудочная форма), тогда может стать новым отношением между унаследованной формой, и объективно вырабатываемой в практической деятельности, т.е. в изменившихся условиях. Направление речевого воздействия на систему орудийной деятельности закрепило это разделение как единое идеальное целое.

Слово, направленное на представление способа действия, содержит в себе зародыш понятия. Понятийное значение слова – это схема построения предмета и способ действия одного предмета (орудия или человека с орудием) на другой предмет. Необходимо отказаться от глубоко укоренившейся идеи изначальной смысловой характеристики слова. Речь выковывалась как использование голосовых сигналов в качестве орудия воздействия на поведение в связи с предметной деятельностью.

А. Валлону принадлежит заслуга глубокого исследования генезиса высших психических функций, в значительной мере преодолевшего недостатки французской школы⁴⁴. Согласно Валлону, образ действия, отраженный в сознании, есть первая форма представления вещи в сознании. Символ есть представленность действия с вещью или человеком в другой вещи. Отражение символа в сознании – условие представления. И только объект как представитель представления становится знаком.

«В противоположность реакциям, изменяющим среду и являющимся прямым следствием внешних возбуждений и желаний, подражание и представление разворачиваются как пластическая способность образовываться самой по себе согласно модели вещей»⁴⁵. В представлении мы имеем модель, оторванную от самой вещи. Представление «превращает отсутствующие предметы в присутствующие в уме. Но присутствуют они или отсутствуют, представление дает им возможность вступать в иные отношения, чем отношения непосредственного индивидуального опыта. Это происхо-

дит ценою подстановки, которая замещает их другим чувственным эффектом (курсив мой – Д.К.), способным обозначить эти предметы»⁴⁶.

Такой заместитель и есть символ как предметная реальность, которая переводит эмпирический образ восприятия в идеальную форму мысли. С символом и знаком «совершается удвоение между ними самими и тем, что они обозначают. Они представляют собой инструмент обозначения. <...> Символ в узком смысле слова – это объект, но объект, являющийся заместителем других реальностей: объектов, лиц, действий, учреждений, племен, каких-либо группировок и т. д. Он обменивает свою собственную реальность на реальность, которую он представляет. Он становится значением»⁴⁷.

Очевидно, что символическое и знаковое замещение может существовать только как *особый способ обращения человека с предметным миром* и имеет смысл исключительно в рамках коллективного поведения. Из этого следует решительный отказ от предрассудка «умной обезьяны», согласно которому интеллектуализация происходит «внутри» системы биологического отношения организма со средой. *Человеческий интеллект возникает из способа коллективного взаимодействия с источником удовлетворения потребности, разрывая узость практического интеллекта, индивидуального по происхождению. Мышление и воображение – это способность коллективно-индивидуального предвидения явлений в мире людей, взаимодействующих с предметами. Мышление предполагает обмен мыслями и в чистом виде есть планирование ситуации с учетом поведения других людей.*

Б.Ф. Поршнев полагал, что ключевое значение проторечевой коммуникации в становлении психики человека – это тормозящее действие сигнала, ставшее возможным в результате длительного и глубокого развития условнорефлекторного поведения млекопитающих в направлении формирования системы активных и тормозных доминант.

⁴⁴ Валлон А. Указ. соч.⁴⁵ Там же. С. 168.⁴⁶ Там же. С. 177.⁴⁷ Там же. С. 185.

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

**| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|**

Вторая сигнальная система работает как «стимулирование таких действий индивида, которые не диктуются его собственной сенсорной сферой – кинестетическим, слуховым, зрительным анализаторами его головного мозга. Потому вторая сигнальная система и берет свой исток в двигательной сфере (соответственно в лобных долях), что она прежде всего должна осуществить торможение этих прямых побуждений и поступков, чтобы возможно было заменять их поступками, которых не требовала чувствительная сфера индивидуального организма»⁴⁸.

Направленность действия вовнутрь себя, самоотражение первоначально выступало в своей двигательной, телесной форме. Вероятно, древнейшим состоянием языка было синкретически неразличимое единство глаголов и существительных. Т.е. номинативная сторона слова, обращенная к предмету, отражалась в сознании в качестве ассоциативного ряда действий. Современный язык спрессовал эту двойственность в различные части речи, однако любое номинативное значение имплицитно содержит двигательный и функциональный эквивалент, т.е. выступает как схема действия с предметом⁴⁹. Паузы, отсрочка реакции на звуковой сигнал, ответный сигнал – поле взаимодействия индивидов, в котором дифференцировался речевой поток. Направленность словесной инструкции на объект сталкивалась с сопротивляемостью материального мира, отражаясь в дифференцированности речевой ткани.

Изображение и отражение

Изучая феномен изобразительных способностей аутичной девочки Нади⁵⁰, Н. Хамфри при-

шел к заключению: реалистичность ее рисунков сопоставима с палеолитическим пещерным искусством и имеет общие с ним причинные основания – недоразвитие речи и мышления. Он охарактеризовал палеолитическое искусство как «лебединую песню» животной формы восприятия, а вовсе не признак пробуждения разума⁵¹. Еще раньше к схожим выводам пришел Б. Поршнева: ориньякские изображения – это копии, но не обобщения, это дипластии – изначальный материал для будущей деятельности ума⁵².

К. Бюлер указывал, что изобразительные навыки детей в своем развитии проходят фазу скачка от ранних форм к освоению новых. В среднем возрасте ребенок оставляет схематизм изобразительной деятельности и без целенаправленных усилий его художественные способности сводятся к освоению письма. Язык – это первое, что портит способность к рисованию и впоследствии поглощает ее полностью⁵³. Схема – это продукт интеллектуального развития, реалистический образ же коррелятивен простому восприятию⁵⁴.

Теория этнопсихического феномена дает нейрофизиологическое решение вопроса генезиса изображения-символа. В ходе эволюции нервная система высших млекопитающих приобрела возможность измененных состояний сознания, вызы-

⁵¹ Humphrey N. Cave art, autism, and the evolution of the human mind // Journal of Consciousness Studies, 6, 1999. P. 165. См. также Куценков П.А. Указ. соч.

⁵² Поршнева Б.Ф. Указ соч. С. 465-466.

⁵³ Buhler K. The Mental Development of the Child: A Summary of Modern Psychological Theory. - Routledge, 1999, - P. 119-120.

⁵⁴ Существует высказанная разными авторами гипотеза об исходной связи графической деятельности, письма и знаково-символического компонента сознания. Язык с этой точки зрения выковался изнутри социального освоения графических символов. Из русскоязычных авторов см. Мэпп Н.Я. Язык и письмо // Избранные работы в 5 тт. Т.2. - Л., 1936. Сулейменов О. Язык письма. Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества. - Алматы-Рим, 1998 г. Он же. Аз и Я. - М., 2005.

⁴⁸ Поршнева Б.Ф. Указ соч. С. 86.

⁴⁹ В.Н. Топоров отмечал операциональный характер определений объектов в мифе, возводящих актуальность настоящего и возможность будущего к образцу-первоначалу (Топоров В.Н. Указ. соч. С. 13).

⁵⁰ Selfe L. Nadia: a case of extraordinary drawing ability in an autistic child. - London: Academic Press, 1977.

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

**| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|**

вающих особые энтоптические феномены восприятия: сетки, спирали, точки, которые нашли выражение в искусстве палеолита и мезолита. Важным могло оказаться широкое применение галлюциногенных веществ в ритуальных целях. Разработчики концепции утверждают: способность к энтоптическим феноменам имеет универсальную природу и напрямую не зависит от культурного контекста, хотя шаманская практика, ритуальные танцы, сенсорная депривация, боль и другие формы воздействия на тело вызывают подобные эффекты⁵⁵. Социальный контекст задает значения, в которых отбираются и интерпретируются феномены, а также опосредствует саму форму интерпретации, доработку энтоптического материала до иконического образа⁵⁶.

«Набрасывая своей смелой и размашистой кистью этот удивительный рисунок, древний мастер снова и снова переживал азарт охоты»⁵⁷. Верно или нет предположение Льюис-Вильямса и Доусона относительно природы палеолитических изобразительных форм, мы имеем попытку объяснить механизм закрепления образа в сознании через изображение. В работе П.А. Куценкова развивается идея *палеолитических изображений как образах незавершенных действий*⁵⁸. Эффект запоминания незавершенных действий, исследованный Б.В. Зейгарник⁵⁹, объясняет эйдетику пещерной живописи как опредмечивание моторных функций через представления памяти. Это чисто животный уровень действий, хотя и выведенный развитием нервной системы на уровень эйдетической точности.

⁵⁵ Lewis-Williams, J.D. and T.A. Dowson. The signs of all times: Entoptic Phenomena in Upper Palaeolithic Art. *Current Anthropology*. 1988, 29. Lewis-Williams J.D. A cosmos in stone: interpreting religion and society through rock art. Rowman Altamira, 2002.

⁵⁶ Lewis-Williams J.D. A cosmos in stone... P. 142.

⁵⁷ Окладников А.П. Олень Золотые рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Л.-М., 1964. С. 31.

⁵⁸ Куценков П.А. Указ. соч.

⁵⁹ Зейгарник Б.В. Воспроизведение незавершенных и завершенных действий // Психология памяти. - М., 2008.

А.П. Окладников отмечал важное обстоятельство: древние «писаницы» шишкинских скал шлифовались последующими племенами, ими обоготворялись⁶⁰. Кочевые племена обнаруживали древние рисунки и наделяли их новым сакральным содержанием. Изображение, как и означенный предмет, подчиняет сознание, формируя отвлеченное представление. Палеолитические изображения – это не продукт сознательного творчества. Практика изображения, вероятно, имеет автономный относительно орудийной деятельности источник, и в единстве с последней заложила предпосылки символического и знакового отражения мира (переход от условнорефлекторного отражения к представлениям).

Истоки креативности

Должны ли мы постулировать наличие у человека креативного мышления и воображения на заре его становления? Вовсе необязательно. Чтобы сверлить ракушки, делать бифасы и совершать ритуалы достаточно тесного общения, минимума речевого инструмента для взаимной регуляции поведения и развитого нейрофизиологического механизма имитации. Тут еще нет *идеального как осознанного* элемента деятельности. «Изменчивость палеолитических каменных изделий – не продукт чьих-либо изобретений»⁶¹, в ее основе тысячелетия межпоколенческой имитации поведения.

Следует выделить три истока креативности: орудийную деятельность, ритуал и графику как специфические формы поведения. Генезис речи оказывает сквозное действие на эти стороны жизни первобытного человека, обеспечивая условия формирования креативных функций психики.

⁶⁰ Окладников А.П. Указ. соч. С. 26-27.

⁶¹ Поршнева Б.Ф. Указ. соч. С. 227. См. также de Beaune S.A. Technical invention in the Palaeolithic: What if the explanation comes from the cognitive and neuropsychological sciences? // *Cognitive archaeology and human evolution* - Cambridge University Press, 2009.

Дмитрий Константинович КУЛИКОВ / Dmitri KULIKOV

**| Истоки креативности в антропогенезе / The genesis of symbolic activity
(about the origins of creativity in anthropology)|**

Благодаря речи возможно вращивание в онтогенезе культурных представлений. Речь, выступая механизмом построения представления и его преобразования (воображения), становится источником рефлексии. Рефлексия возникает изнутри столкновения двух видов стимуляции: речевой (внешней и внутренней, с их продуктом-представлением) и предметной (условия и результаты действий). Продукт рефлексии есть *мышление как отражение отражения, т.е. отражение представленности предметного мира в формах деятельности*. Творчество, таким образом, может выступить как процесс построения новых схем деятельности, воплощенных в продукте, а креативность – как обнаружение в продукте идеального, идеи, т.е. субъективное содержание творчества.

Новое содержание деятельности можно извлечь из образа поведения, поскольку оно закреплено в действии изображения (ритуального и графического), которое есть стремление воспроизвести бытие, данность предметной реальности. В рисунке обнаруживается действительность, на которую можно направлять действие. Изображение способно разорвать синкретизм изначальной чувственной спайки восприятия и реакции.

Предметы вовлекаются в ритуал как символы и знаки аффективно закрепляемого поведения. Наличие элементарных символических форм не означает развитых форм речи и мышления, скорее в них отмечается появление средств, делающих их развитие возможным. Другая сторона этого процесса – графика. В изображении как застывшем референте обнаруживается схема поведения (представление). Изображение нельзя усвоить подобно предмету. Ему можно приписать значение. Также и миф как более высокая форма сознания обнаруживает значение более древнего ритуала, обобщая его символические элементы. Слова становятся знаками, фиксируя представление в качестве своего референта. Это обнаружение стало возможным, ибо проторечевая коммуникация (песнопение, приказы) и породила представление, расщепляя стимул и реакцию, вводя ограничительные программы взаимодействия человека и предмета. Воображение становится возможным как отражение инвариантности действия в инвариантном пространстве. Ритуал и запрет – первичная форма такой инвариантности. Также и наиболее абстрактные формы расудочных представлений (математика, календарь и пр.) возникли как креативное извлечение содержания из материала практики, исходно имевшей иное значение.

